

ОБ АВТОРЕ ЭТИХ ЗАПИСОК, ПУШКИНСКОМ ДОМЕ И КОЕ О ЧЕМ ДРУГОМ

Сентябрь 1958 года... Международный съезд славистов в Москве. Американский профессор Штильман делает (точнее: заранее высылает для обсуждения) новаторский доклад о «Евгении Онегине» как о «литературной энциклопедии», отражающей на равных правах как русскую жизнь, так и круг чтения Пушкина в виде явных и скрытых цитат и реминисценций. Свыше дан приказ «достойно ответить на наглую идеологическую диверсию». С «протестом» (не более и не менее) против «вражеской вылазки» доверено выступить беспартийным, «респектабельным», «старым» интеллигентам... Их подобрали целую компанию (не отцвела коллегиальность, еще недавно Булганин выступал в паре с Хрущевым); моя память удержала лишь старорежимные седины Н.В. Измайлова. Данное задание было выполнено «с честью». «Заклеймен» американский профессор был в лучших традициях большевистской полемики. Что уж говорить о Руфусе Мэтьюсоне, осмелившемся сопоставлять в некоторых аспектах Достоевского с Мальро. Тут уже не убеленный сединами «петербуржец», а борзой «имлиец» (ныне академик) ни что же сумняшеся объявил то ли докладчика, то ли Мальро, то ли обоих сразу адвокатами дьявола, поскольку Мальро министр в Де Голля, а тот поддерживает отношения с Чан Кай-ши, который в «китайских» романах того же Мальро в восприятии коммунистов является воплощением дьявола. Этот шизофренический бред сорвал «аплодисмент» и восторженные выкрики советских литературных дамочек.

Я не всуе позволил себе эти воспоминания. Жена автора публикуемых воспоминаний «Пушкинский Дом» М.Д. Беляева Маргарита Ивановна Беляева в 1960-х годах считала Н.В. Измайлова одним из немногих «настоящих» сотрудников Пушкинского Дома (Института русской литературы Академии наук СССР) в Ленинграде (хорошего происхождения, подвергался репрессиям). Лично для меня, и не только в свете его выступления на съезде, ни его писания о Пушкине, ни сама его фигура никакого интереса не представляют. Типичный «интеллигент» (см. «Вехи»). И даже советский (несмотря на происхождение и репрессированность).

Михаил Дмитриевич Беляев (1884–1956), оставивший записки о ранних годах Пушкинского Дома, человечески был близок с Н.В.

Измайловым, но трудно представить его «дающим отповедь» «посвягательствам на национальную святыню» (неприкосновенным Пушкин стал со времени юбилея 1937 года, «отпразднованного» – смерть! как бы от руки «врага народа» – в Большом театре в присутствии Сталина, Ежова и др. «товарищей», а также... посла Финляндии г-на Холсти – ой, не к добру «г-дам» водиться с «товарищами» даже на почве Пушкина; самому С.М. Лифарю, водившему за нос Гёббельса, это плохо удавалось). Беляев, посвятивший свою жизнь Пушкину и его эпохе, предпочитал публично о Пушкине молчать. Но, может быть, все дело в том, что он был не пишущим «сonnaisseur'ом» (надо ли говорить, что не дилетантом)? Вряд ли. Когда обстоятельства «вынуждали», он брался за перо. Вскоре после войны защитил кандидатскую диссертацию о рисунках Пушкина (это давало «хлебную карточку на всю жизнь» – широкий жест Сталина в разгар войны, наряду с дождем Сталинских премий «корифеям» культуры дореволюционной формации). В эвакуации, в Симбирске, в обстановке оторванности от музейной работы, Беляев садится за мемуарные очерки – о Пушкинском Доме, Невском проспекте, Максиме Горьком (все не оконченные).

Мне трудно судить о М.Д. Беляеве как о знатоке Пушкина. Его книжечка о Н.Н. Пушкиной (1930) относится к «пушкинизму», т.е. собственно к Пушкину отношения не имеет. Диссертация о рисунках Пушкина тоже, в общем-то, говорит о периферии феномена Пушкин, я ее не читал (не опубликована); основоположник изучения пушкинской графики А.М. Эфрос, как оппонент диссертации, серьезно с ней спорил, чего даже вдова М.Д. Беляева до конца своих дней не могла ему простить. Бог с ними, с рисунками Пушкина, с их разгадыванием – «не хочу я в этом разбираться», увлекают меня только автопортреты (и бессмертный этюд Абрама Эфроса о них)...

Из России пришли вести, что о Беляеве «вспомнили», провели конференцию, говорили о его большой роли в организации Пушкинской выставки 1937 года в Государственном Историческом музее, в открытии музея-квартиры Пушкина на Мойке в 1924 году. Роль, по свидетельству современников, была большая, в чем-то даже исключительная. Но... выставка 1937 года имела своим результатом экспроприацию присланных на нее из хранилищ «всей Руси великой» экспонатов в виде создания Всесоюзного музея Пушкина в Ленинграде (не получавшем, впрочем, ряд десятилетий своего собственного помещения), а «музей-квартира» открыла целую серию советских «мемориалов»-новоделов, с большим или меньшим успехом создающих для обывателя «эффект присутствия» в

«спальные гения» (не читанного). В целом весь этот «пушкинизм» ничего для постижения Пушкина не дал. Те, кто им занимался, пытались им заслониться или с его помощью приспособиться к советской действительности. Пушкин тут был не при чем. («настоящие» слова о нем, как и само его явление, требуют «полной гибели, всерьез»; сказав их, уходят из жизни – Достоевский, Блок).

Ценность записок М.Д. Беляева о Пушкинском Доме состоит, прежде всего, в том, что в глазах внимательного читателя они развенчивают миф о будто бы «золотом веке» Пушкинского Дома и пушкинистики. Не было никогда такого века. Созданный в недрах еще Императорской Академии наук, Пушкинский Дом должен был обслуживать культ «национального гения», культ всегда корыстный как для его учредителей, так и для его служителей. После 1917 года Пушкинский Дом становится прибежищем довольно разнородных элементов, в том числе и спасающихся здесь «от бурь гражданских и тревоги». Объединяет их, в основном, весьма опосредованное отношение к истолкованию Пушкина. Дотошнейшее изучение околичностей (комментарии Б.Л. Модзалевского к «Письмам» и «Дневнику» Пушкина) должны заслонить полное бессилие сказать что-либо по существу. Но Б.Л. Модзалевский это «корифей», из его «словесной руды» можно выудить нужные факты, а кому, а для чего пригодится сегодня что-либо написанное академиком Котляревским? Я уж не говорю об А.Ф. Кони, как «пушкинисте». Романс Рауля из «Гугенотов» не всякий сумеет Пушкину приписать. А пропос. Этот сенатор и действительный тайный советник считал, что Николай II «погубил Россию». Гм... гм... А что сказать о самом А.Ф. с его ролью в оправдании Веры Засулич и ему подобных (см. В.В. Розанова об оппозиции с икрой и шампанским)?

Советская власть без труда раскусила, какие пушкинисты «засели» в Пушкинском Доме. Конечно же, его не обошли при «чистке» Академии наук, начавшейся в 1929 году. Репрессии обрушились, прежде всего, по анкетным данным. Но наряду с просто «бывшими», пострадали в большей или меньшей степени «пушкинисты». Отправился в 1930 году в ссылку на Соловки (по т.н. «делу историков») и М.Д. Беляев. Он дешево отделался – вернулся четыре года спустя, и его пригрел уже в Москве бывший секретарь Ленина В.Д. Бонч-Бруевич, которого Сталин оставил в живых и дал потешное дело, директорство в основанном для него Гослитмузее (для выживания за бесценок документов, при случае компроматных, у нищей интеллигенции с помощью таких опытных «наводчиков», как И.С. Зильберштейн, Ю.А. Бахрушин и др.).

Здесь в Литмузее М.Д. Беляев познакомился со своей будущей женой Маргаритой Ильиничной (1905–1976). Она была много моложе его, и брак их, скорее всего, был «белый», тем более дошедшие до меня отголоски ленинградской молвы приписывали М.Д. «тенденции», выражаясь слогом дарреловского Скоби. «Маргоша», как звали ее друзья, была внебрачной дочерью литовско-русского князя Гедройца и жившей в России француженки, точнее бретонки. После революции, уже в 20-х годах, мать увезла ее во Францию, где ее около года продержали в тюрьме по идиотскому подозрению в шпионаже (в то время как толпы действительных советских агентов чувствовали себя как дома в прогнившем режиме 3-й республики). Затем выпустили, и она вернулась в СССР (чего никогда не могла себе простить), разжалобленная просьбами «пустившего нюни отца». «Маргоша» в совершенстве владела французским языком (замечала, в частности, ошибки в понимании французских выражений у М.И. Цветаевой), но применение своим возможностям нашла лишь в Литмузее в качестве машинистки-«дешифрантки» (печатавшей непосредственно с архивных материалов на французском языке).

Натурой она была одновременно и рациональной (ни капли русской крови), и увлекающейся. У нее был ряд романов, насколько я понимаю, с «жертвенным» оттенком. Один из этих романов был причиной ее длительной ссылки в Казахстан. Я уже забыл, почему, но в силу каких-то причин (иностранное происхождение?) М.И. не имела права оставаться в Москве, к которой приближались германские войска. Но здесь находился любимый ею человек, и М.И. не последовала за своим мужем в Симбирск. В результате высылка (ждала немцев!) в Казахстан, где она «пасла барашков» (от которых подцепила какую-то дрянную болезнь). Вернулась после войны, м.б., даже в 1951 г. «стоверстницей», поселилась в Серпухове (ровно 100 верст), куда перевезла из Москвы и М.Д. Беляева, не могшего уже жить самостоятельно (что-то вроде болезни Альцгеймера). Она трогательно ухаживала за мужем до конца его дней, работала в Москве машинисткой в издательстве Академии наук СССР, ездила ежедневно на работу за сто верст и обратно. Только в 1960-х годах всемогущий «Илюшечка» Зильберштейн выхлопотал ей прописку и комнатенку в Новоконюшенном переулке в Москве; без «Маргоши» «Илюшечка» был как без рук (погибла она под колесами автомобиля на Зубовской площади, спеша к нему на дачу на работу, наэлектризованная вызовами по телефону и телеграфу). После смерти М.И. Беляевой И.С. Зильберштейн сделал все, чтобы завещанное ею имущество (кое-

какой антиквариат, оставшийся от М.Д. Беляева) не попало законному наследнику, ее последнему большому увлечению (платоническому).

М.И. Беляевой мы обязаны сохранением и расшифровкой мемуарных рукописей М.Д. Беляева «Пушкинский Дом», «Невский проспект», «Максим Горький». Все они были переданы ею при жизни в Пушкинский Дом, ставший еще в 1930-х годах Институтом русской литературы АН СССР. Но ею были сделаны копии (профессиональные) для себя и знакомых. В числе последних получил свои экземпляры и я (познакомился с М.И. в начале 60-х гг. через Н.Д. Эфрос, с которой она дружила и которая ее пережила, дотянув без малого до ста лет).

Надеюсь, что читатель по достоинству оценит как информативную сторону мемуаров Беляева, так и качество его повествовательной прозы. Нелишне упомянуть, что М.Д. Беляев младший брат известного в свое время театрального критика и автора более или менее «ловко скроенных» пьес «Путаница» и «Псиша» Юрия Беляева (1876–1917); его рецензии в суворинском «Новом времени» на премьеры Художественного театра первым делом прочитывал Немирович, говоривший впоследствии А. Гладкову, что он «знал секрет успеха».

Слог братьев Беляевых слог поистине той «России, которую мы потеряли». Не воображаемо-олеографичной, мнимо-процветающей, выдуманной страны всеобщего благоденствия, а страны, давшей миру («не спрашивай, какой ценой») высочайшую дворянскую культуру Пушкина, Толстого, Чайковского. Отблеск этой культуры лежит и на пленительным, безыскусном языке записок М.Д. Беляева, природно связанном еще с языком прозы Пушкина, Апухтина, Кузмина. Лично для меня стиль М.Д. Беляева более очевидное явление, чем стиль автора другого «Пушкинского Дома». Впрочем, это не комплимент.

Мосты. – Frankfurt am Main, 2004. – 2. – С. 298–302 (псевд.: Михаил Нёхорошев) (с исправлениями).